

ВСЕСОСЛОВНАЯ СЕМЬЯ

Разсказъ изъ летописей одного благонамѣреннаго сближенія.

I.

Это было въ началѣ 70-хъ годовъ... Весенняя ночь застала меня въ перекладной, недалеко отъ К^{***}. Дождь, лившій съ утра, только-что кончился; тройка измученныхъ лошадей, шлепая по размытой глинѣ, едва тащила. Въ тяжеломъ хрѣпѣ ихъ, въ осипломъ голосѣ ямщика, въ захлебывающемся, надбитомъ звонѣ почтового колокольчика слышались крайнія ноты унынія. Мы ѣхали слишкомъ четыре часа, по адской дорогѣ; но двѣ послѣднихъ ея версты, уже въ виду городскихъ огней, особенно истощили мое терпѣніе. Голодный, иззябшій, мокрый, закиданный съ головы до ногъ жидкой грязью, пригоршни которой, съ какимъ-то особеннымъ постоянствомъ, летѣли мнѣ прямо въ лицо, я думалъ, что я до утра не доѣду, и лихорадочная фантазія рисовала мнѣ впереди теплую комнату, дымящійся самоваръ, сухое бѣлье и постель—какимъ-то недосыгаемымъ раемъ... Но вотъ, наконецъ, изъ сѣрой мглы, по сторонамъ дороги, пошли выглядывать избы, за избами потянулись заборы и пустыри,—городъ. Грязная слобода смѣнилась мощеною улицей, лачуги въ два-три окна—домами съ нѣкоторой претензіей; — площадь, соборъ, гауптвахта, лавки, каменные строенія... Проколесивъ еще добрымъ порядкомъ, ямщикъ остановился въ упоръ у подъѣзда довольно опрятнаго дома, въ дверяхъ и окнахъ котораго свѣтились огни... Это была гостинница. Кончена пытка! Я выѣзъ съ триумфомъ изъ мокраго сѣна и черезъ минуту былъ водворенъ... Просторный номеръ; въ номерѣ все какъ водится: ширмы, скрывающія неубранную